

Юзеф Игнацы Крашевский

МАСЛАВ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Был печальный осенний вечер; солнце, закрытое тучами, из-за которых кое-где проскальзывали слабые лучи, склонялось к закату. Весь небосклон заслоняли серые, разорванные облака, сливавшиеся на горизонте в одну темную одноцветную завесу.

В воздухе можно было различить глазами ветер, срывавшийся из-за туч на землю и пролетавший над верхушками деревьев, сгибая их, обламывая ветви и снова улетающая куда-то ввысь.

Земля, облаченная в траурные одежды, лишенная зелени, казалась умершей или уснувшей, а быстро пролетавшие над нею странно разорванные, причудливо очерченные облака, то расплывавшиеся, то сталкивавшиеся вместе, то и дело меняли краски, то румянясь, как бы от гнева, то становясь синими от злости. Там, где под ними угадывалось солнце, они горели желтоватым пламенем, а в местах их разрыва небо светилось зеленоватыми огнями. Серые тучи, казалось,

спешили на восток, чтобы там собраться вместе, как войско в бою, и двинуться вперед одной грозной черной массой.

Но и внизу пейзаж не представлял приятного зрелища. Низкая болотистая долина была окружена черными стенами лесов. Кое-где на ней виднелись одинокие деревья, наполовину высохшие или обгоревшие, как бы в отчаянии поднимавшие кверху обнаженные ветви. Осенние ветры сорвали с них последние пожелтевшие листья.

Среди болота вилась дорога, на которой остались еще свежие следы страшного и еще недавнего прошлого, которые не успели еще смыться водою, высохнуть или зарости травой.

По этой дороге можно было угадать, что делалось здесь вчера, а, может быть, еще и сегодня. Пронеслась по ней страшная буря: она была вытоптана и убита, как будто по ней прошло множество народа и целые стада животных; взрыли ее колеса, изрезали острия пик; повсюду валялись деревья, части сломанных повозок, окровавленные куски материй, клочки одежды, обрывки веревок. Видно было, что здесь стоял огромный военный лагерь или прошла какая-то громадная толпа людей. На скользкой почве кое-где отпечатались следы босых ног — детских рядом со стариковскими, человеческих рядом со звериными; а вот и человеческое тело: оно упало и тащилось по

земле, оставляя за собой черные пятна застывшей крови.

То были, по-видимому, страшные следы войны, несущей с собою смерть и опустошение.

На изъезженной дороге птицы питались остатками пищи: клевали рассыпавшееся зерно и, может быть, пили пролившуюся кровь.

Вдали, на холме, виднелись обгоревшие стены, а ниже, в долине, одиноко торчали черные балки и разрушенные постройки указывали на остатки человеческого поселения, в котором сейчас не было ни одной души.

Над всей этой пустынной местностью господствовало глухое молчание, и только ветер, пролетая, приносил откуда-то отголоски жалобного собачьего воя. Стая ворон и воронов носилась в воздухе, то припадая к земле, то с шумом и громким карканьем устремляясь вверх и кружась над опустошенной долиной. Теперь птицы были здесь хозяевами, а лесные звери все смелее выходили из леса, собираясь заменить здесь человека. С жалобными криками летали над болотом встревоженные чайки. Старая жизнь кончилась здесь, начиналась новая.

Вглядевшись внимательно в то место, где, судя по уцелевшим частям стен, должно было находиться человеческое жилье, можно было различить еще едва заметные струйки дыма,

поднимавшегося над пожарищем: напрасно стремясь взлететь кверху, они, поднявшись немного, тяжело опускались вниз и расстилались по земле. В воздухе стоял запах обгоревшего человеческого тела.

На тропинке, ведущей к ближайшему лесному участку, показался всадник на коне. Он медленно выехал из-за деревьев, остановился и долго, долго приглядывался и внимательно прислушивался, прежде чем решился ехать дальше.

Взгляд его блуждал по окрестностям, где не было ни одной живой души, не слышно голоса, не видно даже тени человека.

Этот всадник с темной, растрепанной бородой, мужчина средних лет, имел такой вид, как будто он только что вырвался с поля битвы; он был весь избит и окровавлен. Панцирь его был весь исцарапан ударами вражеского оружия, одежда на нем была изорвана, и во многих местах виднелось израненное и покрытое кровью тело. На непослушных темных кудрях едва держались остатки поломанного шлема, за поясом виднелась рукоятка разбитого меча; в одной руке он держал кусок сломанного копья; его броня и видневшаяся из-под нее одежда были в нескольких местах пропитаны, как будто ржавчиной покрыты, засохшей кровью.

Его конь был также избит и изранен и ступал

медленно, прихрамывая и опустив голову, а если останавливался, то сейчас же принимался искать под ногами засохшей травы, а в канавах воды.

Однако, несмотря на теперешний печальный вид, можно было легко отгадать, что всадник и его конь знали лучшие времена. Черты лица бедного беглеца дышали благородством и гордостью, а затуманенный взгляд изобличал не женственную печаль, а мужественное рыцарское страдание. И разорванная одежда, и вооружение были когда-то дорогим и красивым.

Осмотрев окрестность, он со вздохом сошел с коня, потрепал бедное животное по шее, взял в руку узду и, опираясь на пику, медленно пошел по направлению к пожарищу. Раненый в ногу, грудь и в голову, он шел, не спеша и часто останавливался для отдыха. Иногда казалось, что он зашатается и упадет, что сил его не хватит на то, чтобы спасти жалкую жизнь; опершись на коня, он стоял некоторое время неподвижно, тяжело дыша, и, отдохнув, снова с усилием тащился вперед. Конь, также прихрамывая и едва двигаясь, послушно шел или, вернее, позволял вести себя, пощипывая с голоду кое-где уцелевшую траву, встречавшуюся на дороге.

Так понемногу приближались конь и всадник к холму, где на отгороженном валом пространстве торчали остатки почерневших стен.

Страшное нечеловеческое опустошение бурею пронеслось здесь, оставив после себя только кучу углей да груды развалин. Кое-где на окопах торчали обгорелые поломанные рогатки; ворота, также обгоревшие и сломанные, лежали в грязи на земле.

Незнакомец медленно прошел внутрь окопов. Должно быть, он хорошо знал это место, взглядом он искал среди развалин чего-нибудь, что напомнило бы ему памятное прошлое.

В огороженном валами пространстве не уцелело ни одного строения, только кое-где торчали еще обломки толстых каменных стен, устоявших среди разгрома. Но тут же рядом вся земля была изрыта, как будто в ней искали чего-то. Черепки разбитой посуды, колеса, бревна, старая лежалая солома, изгрызанные белые кости покрывали почти все пространство. В стороне лежала конская падаль, полусъеденная вороньем, с обнажившимися ребрами.

Перепуганные птицы взлетели было кверху с неистовым карканьем, но тотчас же снова опустились на свою добычу.

Войдя внутрь окопов, незнакомец пасмурным взглядом окинул лежавшее перед ним пространство и, оставив коня у входа, начал медленно пробираться среди обломков утвари и развалин строений к самому замку, внимательно приглядываясь и как бы ища каких-нибудь следов,

по которым можно было бы установить историю этого разрушения. Но если и были следы, то их засыпали развалины, стерли обломки. Может быть, он надеялся найти трупы, но и их не было видно.

Несколько раз, приглядываясь к лежавшим на земле предметам, он поднимал какую-нибудь тряпку, обгоревший лоскут одежды и с гневом и отвращением отбрасывал его от себя. Обойдя одну грудку развалин, он подошел к самой стене замка, но и здесь был тот же беспорядок и опустошение. Только у самой стены осыпавшаяся земля как будто приоткрыла пещеру, в глубине которой не было ничего видно. Из темной бездны кое-где торчали концы поломанных бревен. Незнакомец, прикрыв глаза рукою, наклонился с трудом и долго, нахмурившись, всматривался в глубину ямы.

Он уже собирался уйти с этого кладбища, когда чуткий слух его уловил среди глухой тишины какой-то слабый шум, словно отзвук человеческих шагов. Он обернулся к выходу и прислушался.

Там никого не было видно, только конь торопливо подьедал найденную им на валах траву. Тогда он снова двинулся вперед, пробираясь среди бревен и обломков к тому месту, где были ворота замка, и в ту же минуту в них показалась человеческая фигура. Человек этот входил или, вернее, прокрадывался в ворота, но при виде коня остановился в испуге, оглядываясь по сторонам.

Рассмотрев издали вооруженного мужчину, шедшего к нему от развалин, он в первую минуту готов был обратиться в бегство, но, взглянув еще раз на воина, всплеснул руками и, пробежав несколько шагов, упал перед ним на колени.

Это неожиданное среди руин появление вполне соответствовало всему окружающему: пожилой мужчина с обнаженной головой не имел на голом теле ничего, кроме старой, порванной сермяги, а под нею виднелись штаны из грубого полотна, подвязанные внизу к ногам тесемками. Желтое, истощенное лицо с выцветшими глазами, обросшее волосами, делало его более похожим на мертвеца, вставшего из гроба, чем на живого человека. Упав на колени, он поднял руки кверху.

— Вы живы? — крикнул он.

Воин вместо ответа указал ему на свою разорванную броню, на израненное и искалеченное тело.

— Жив, — отвечал он беззвучно, — жив, но на что мне жизнь, когда все мои погибли, когда мне остались только могилы?..

И поглядел вокруг себя.

Человек, стоявший на коленях, встал и дрожащим хриплым голосом сказал:

— Я четвертый день скитаюсь в лесу, грызу траву, сосу листья, ем сухую кору и грибы, душа едва держится в теле.

— Благодарю Господа за то, — проворчал воин, — я сам не знаю, жив ли я и как жив?.. Да и на что теперь жизнь?

Человек, вставший с колен, молча подвинулся к воину и поцеловал ему руку. Так они стояли рядом не в силах вымолвить слова.

Потом он тихо спросил:

— Как же вы спаслись?

— Мы пытались под Шродой выдержать битву с чехами. Нас было немного, но все мужественные воины. Пали все, и меня тоже сочли за убитого, меня спасла ночь. Конь сначала ушел, но потом вернулся к тому месту, где я лежал... я почувствовал его дыхание над собой, когда открыл глаза. Я тоже скитался по лесам, питаюсь одной водой. А здесь — придется помирать! Да, помирать!

Он умолк и опустил голову.

— Где же люди? Почему нет трупов? Где же ваши гдечане? — спросил он потом.

— Когда пришли чехи, я был в лесу, — начал другой, — вернулся, чтобы увидеть пожарище, — незачем было возвращаться. Все население, несмотря на мольбы о пощаде, было выгнано и увезено за ними, остались только мертвые. Город разграблен, дома ограблены. Он бросил взгляд на долину, глубоко вздохнул и спросил несмело:

— А ваши? Ваши где, милостивый государь?

— У меня больше нет никого, никого, —

понуро отвечал первый.

И, проговорив это, взял коня за узду и начал медленно пробираться к выходу из замка. Человек в серой сермяге шел за ним. У подножия замкового холма чернело огромное сплошное пожарище, на том месте, где прежде было большое селение.

Среди обгоревших развалин торчали кое-где журавли колодцев, остатки уцелевших от огня стен, столбы от ворот и колы от изгороди, да высокие подпорки разрушенных строений.

В костеле уцелели только боковые стены, возведенные из гранита, крыша рухнула. Они подошли ближе и остановились у входа. В глубине алтаря валялась обгорелая костельная утварь, высокие деревянные подсвечники были сброшены с него. Вход в склеп, находившийся под зданием костела, был наполовину разрушен. Должно быть, и там искали сокровища. Не пощадили никого. На одной стене висело только черное распятие, а на нем полубнаженный Христос еще держался одной рукой. Птицы, приготовлявшиеся к ночлегу, заслышав шум, встрепенулись, вспорхнули и принялись с криком кружиться над головами.

Последние лучи солнца, проглянув сквозь тучи, осветили эту картину опустошения желтовато-красным, похожим на зарево пожара, пламенем.

Двое мужчин с тревогой приглядывались к

окружающему. Всюду сохранились следы недавней жизни: около стен хат валялись домашняя посуда, разбитые ведра, брошенная пряжа, забытые детские колыбельки, камни от попорченных жерновов.

Воин и спасшийся бедняк в сермяге, постояв около костела, пошли дальше, по направлению к спаленной деревне.

Надвигалась ночь, надо было искать пристанища.

— Милостивый государь, владыка Лясота, — жалобно заговорил человек в сермяге, следуя за ним, — если бы хоть кусочек хлеба, я сразу набрался бы сил и устроил как-нибудь шалаш.

К седлу коня, которого вел Лясота, была привязана пустая сумка. Воин поискал в ней и достал кусок чего-то черного и заплесневевшего, разломал его и дал просившему.

С невероятной торопливостью изголодавшийся человек схватил в обе руки пищу и с заблестевшими глазами начал грызть сухой хлеб с жадностью зверя, забыв обо всем на свете.

Лясота, не глядя на него, шел вперед, утомленные глаза его искали какого-нибудь убежища, но все хаты и все постройки из досок и тростника стали жертвою огня, от них остались только углы, которые легко могли упасть и не защищали даже от ветра.

Человек в сермяге съел свой хлеб до

последней крошки и только тогда догнал воина. По дороге он заглядывал в колодцы, думая утолить жажду, но не чем было достать воду.

Наконец, Лясота нашел где-то с краю две уцелевших стены под крышей; проведя коня в ближнюю ограду, он сам свалился на землю. Он уже и сюда шел так, как будто искал места, где можно было бы лечь и умереть, теперь он закрыл лицо обеими руками, прикрыл глаза и застыл в полной неподвижности. Между тем сухой хлеб и немного воды оживили голодного, и он почувствовал себя подкрепленным и ободренным.

Это был один из обитателей разрушенного посада Гдеча, еще недавно принадлежащего к числу главнейших королевский владений, а теперь ограбленного нападшими на него чехами, которые увели с собой все население.

Человека этого звали Дембец.

У Лясоты были обширные владения под Шродой, поэтому он часто заезжал и в город, и в замок. Дембец, по профессии каретник, часто оказывал ему различные услуги; они уже давно знали друг друга. Важного магната и бедного ремесленника сравняла теперь общая беда. Замок Лясоты был также разорен, и он сам не знал, где преклонить голову. У Дембеца остались только обгоревшие развалины его хаты.

И теперь он направился к ней, с трудом

пробираясь среди обломков разрушенных строений и, может быть, питая тайную надежду иметь что-нибудь уцелевшее от пожара. Дойдя до знакомого места, которое даже трудно было узнать теперь, он остановился, как вкопанный. На месте прежней хаты возвышалась большая куча углей.

Становилось все темнее. Дембец отер глаза, взобрался на груды развалин и стал медленно раскапывать кучу пепла и головешек поднятой на земле палкой. Под хатой был вырыт в земле прохладный погребок, в котором иногда кое-что прятали.

Ему пришло в голову, что там могли сохраниться припасы. Быть может, горсть муки, немножко круп, засохшего мяса или краюха заплесневевшего хлеба. Роясь палкой в куче, он, действительно, нащупал дверь погреба, уцелевшую от пожара, встал на колени и, очистив руками завалившую дверь землю и угли, начал с усилием открывать ее. Работа эта была тяжелая для его слабых сил; он прерывисто дышал, ложился на землю и снова вставал, пока, наконец, ему не удалось, подперев дверь колом, приподнять ее. Там, по-видимому, все оставалось нетронутым, никто не рассчитывал найти добычу в этой убогой хате. Голодный Дембец, спустившись вниз, не удержался от радостного крика, убедившись, что его кладовая цела.

С беспокойной торопливостью он принялся выбрасывать из нее все, что попадалось под руку, не гнушаясь и тем, к чему раньше отнесся бы с пренебрежением, и что теперь он ценил дороже золота. Но скоро он выбрался из ямы, забрал всю скудную провизию, найденную в ней, и поспешил к тому, кто только что поделился с ним куском хлеба. Он нашел его лежащим у стены в полудремоте от истощения и полумертвого от голода.

Мрак все более сгущался.

— Милостивый пан, — промолвил Дембец, склонившись к нему, — у меня есть пища, я нашел ее в своем погребке. Должно быть, ее хотели там спрятать!.. Я сейчас разведу огонь, и мы будем есть, будем есть.

Он несколько раз повторил это слово, как будто в нем была надежда на спасение. Лясота медленно поднял голову.

— Огонь развести, — пробормотал он, — огонь! Чтобы нажить себе беду! Не смей и думать об этом.

— Никто не придет сюда на огонь, — вздохнул Дембец, — взгляните, дорогой мой пан, и там, и здесь еще тлеют угли, и поднимается красный дымок! Безбожные злодеи чехи ушли прочь, кругом пусто, надо спасать свою жизнь. Иначе мы умрем с голода. — Лясота снова закрыл лицо руками и не отвечал ничего. Его мучила

жажда еще сильнее, чем голод, а жажда эта происходила от голода и от лихорадки.

Не обращая внимание на запрещение, каретник принялся разводить огонь. На пожарище не трудно было раздобыть тлеющую головню. Из своей хаты он вынес какой-то горшок, найденный им в погребе. Он собирался уже готовить ужин, когда Лясота попросил его достать воды.

И вот при помощи этого единственного, какой у них был, черепка и длинного шеста, найденного на пожарище, Дембец достал в колодце воды и принес ее Лясоте. Схватив горшок обеими руками, старик выпил всю воду до последней капли.

Каретник достал воды снова и принялся было за приготовление ужина, как вдруг порыв ветра принес с собой явственный звук топота конских копыт. Забыв о своей слабости, Лясота сорвался с места, крича Дембецу, чтобы тот гасил огонь. Костер был тотчас же погашен.

Мрачное небо еще увеличивало густую тьму ночи. И только в том месте, где только что зашло солнце, небо еще светилось, и, всматриваясь в ту сторону, беглецы заметили на большой дороге, проходившей посередине поселенья, тени двух всадников, медленно подвигавшихся к ним.

В отблеске вечерней зари они казались двумя призраками, хотя издали невозможно было рассмотреть их.

Лясота и Дембец приглядывались с любопытством беспокойством. Лясота скоро узнал в них таких же, как он сам, бездомных беглецов, вырвавшихся ночью из мест чешских погромов и побоищ.

Они были вооружены, потому что над головами их торчали острия копий, которые они держали в руках, и ехали на статных конях. Султаны шлемов развевались над их головами. Но разве можно было поручиться, что это не были чехи, искавшие добычи среди этого разгрома и опустошения?

Всадники остановились перед сожженным костелом... Ветер стих, и можно было различить отдельные слова, которыми они обменивались между собой.

— Собачьи дети!

— Звери дикие! Дьявольское племя!

После таких проклятий не оставалось сомнения в том, что это были свои. Лясота сложил руки трубой у рта и закричал им, напрягая силы.

При этом звуке всадники в первое мгновение повернули коней, собираясь обратиться в бегство, но потом остановились и стали приглядываться.

— Свои! — закричал Лясота. — Подъезжайте сюда к нам!

Дембец, который еще раньше Лясоты, признал в них своих, встал с земли и поспешил к ним

навстречу.

Вместе все как-то безопаснее.

При виде этой фигуры, выступившей из мрака, всадники остановились, собираясь защищаться или обратиться в бегство, но каретник приблизился к ним, узнал соседей и стал звать их по имени...

Это были два брата Доливы, соседи Лясоты по имению, Вшеборь и Мшщуй. Утомившись блуждать в лесу без пищи и питья после того, как владения их были преданы разгрому и огню, они теперь, узнав Дембеца, охотно сошли с коней и пошли за ним к тому месту, куда он их вел.

Обрадованный каретник шел вперед и кричал Лясоте.

— Это наши соседи из Доливян, Вшеборь и Мшщуй.

Лясота с усилием приподнялся, опираясь на месте, а каретник опять принялся разводить огонь.

Никто не приветствовал друг друга, потому что не с чем было приветствовать. Разве со спасением жалкой жизни, с которой теперь не знали что делать. Шляхтичи обменялись только печальными взглядами.

Когда огонь разгорелся, младший из братьев Долив, рассмотрев порванную одежду с кровавыми пятнами на ней и исхудавшее лицо Лясоты, не мог удержаться от проклятий врагам.

— Вот, до чего мы дожили! — крикнул он. — Вот что случилось с нашей землей! Будь проклят тот день и час, когда нами стали править Мешко и Рыкса!

Дембец взял их коней под уздцы и отвел их в соседнюю ограду, где они могли найти немного травы. Все сели на земле. И из всех уст по очереди полились жалобы на судьбу.

— Познань, — начал Мшщуй, — тоже вся разгромлена. Чего не успела увезти немка Рыкса, то забрали чехи. Она ушла к своим, к немцам, а за нею должен был идти и сын Казимир. Нет у нас князя, границы стоят без охраны, в стране — безначалие, бери всякий, кто что хочет. Разорили чехи и Гнезьно, ограбили костел, забрали все сокровища, а наших братьев погнали перед собой, как скот. Села выжжены, и куда ни взглянешь, пустыня!

— Погибло Болеславово королевство, — прибавил Вшеборь, — перебито наше рыцарство; все с нами воюют, потому что у нас безначалие. Нет у нас головы!

— Только и остается нам умереть, чтобы не дожить до конца, — сказал Лясота.

— Чехи — чехами и немцы — немцами, — сказал Мшщуй, — но и наш собственный народ разоряет костелы, возвращается в язычество, наша жизнь висит на волоске! Ходят толпами и призывают по-старому Ладо, а если повстречают

какого-нибудь магната, ругаются над ним и прибивают его к кресту.

— Что тут делать? Остается одно — умирать, — проговорил Лясота.

Но Мшщуй отрицательно покачал головой.

— У кого есть силы, пусть идет за Вислу к Маславу, там, говорят, еще спокойно, у него сила большая. Что делать? Присоединиться к сильным, а иначе погибнем все, — говорил Вшебор. — Мы вот тоже не знаем, идти ли к нему, чтобы спасти свою жизнь?

— К Маславу? — слабым голосом проговорил Лясота. — Что ты выдумал? Это человек бесчестный, беспокойный, он — причина всех наших бед.

Мшщуй пожал плечами.

— Да, это правда, но теперь для нас всякий хорош, кто поможет нам спастись.

— Лучше умереть! — пробурчал старик.

Так перебрасывались они отрывочными фразами, пока Дембец не прервал их беседы вопросом, — не голоден ли кто-нибудь из них.

А кто же теперь не голоден! — вскричал Мшщуй.

— Что у меня есть, тем я поделюсь и с вами, — сказал каретник. — Правда, всего понемногу, только бы голод заморить.

И с этими словами он начал раскладывать

перед ними копченое мясо и крупу, сваренную в черепках посуды, найденных им на пожарище. Ужин был плохой, но проголодавшимся людям он показался вкуснейшей пищей на свете. И они были ему бесконечно благодарны.

— Пусть Бог тебе заплатит за нас, — говорили они ему.

— Заплатите лучше вы сами, — отвечал Дембец. — Вы здесь не останетесь, пойдете куда-нибудь дальше, возьмите и меня с собой, а то я здесь погибну. Вероятно, завтра перед рассветом вы двинетесь к лесу, позвольте же и мне пойти за вами. Я поделюсь с вами своими запасами.

— Кто же из нас может сказать, что будет завтра? — сказал Лясота.

— Надо идти в лес и за Вислу, — прибавил Мшщуй, — больше нечего нам делать. Маслав принимает всех.

— И не говорите мне этого, постыдитесь даже думать об этом! — прервал его старый Лясота. — Кто не знал Маслава, крестьянского сына при дворе Мешка? Неизвестно, откуда и как выскочил этот паршивец из хлева, лизал панам пятки, всячески угодничал и добился того, что стал подчашим, а потом сохранил Мешку жизнь, королеву выгнали своими заговорами и государя своего Казимира тоже вынудили удалиться. Это все его штуки!

— Ну, конечно, его, — сказал Мшщуй, — я

тоже его не люблю и не защищаю, знаю, что он собачий сын... А кто теперь власть имеет? У кого сила? Приходится или голову сложить или идти к нему на службу.

— Да, что делать! — вмешался Дембец, стоявший поодаль от всех, — приходится служить кому попало, хоть бы рыжему псу, только бы не оставаться без власти.

Все умолкли, опустив головы; Лясота, отдохнув немного и успокоившись, с усилием поднялся, чтобы осмотреть свое израненное тело и разорванную одежду. В нем виден был человек, много выстрадавший в жизни и научившийся спокойно переносить страдания: почти без стога, смело, спокойно он начал раздеваться, отдирая от тела пропитанную засохшей кровью одежду. Тогда из ран выступила свежая кровь, и он, разрывая на куски белье, стал прикладывать эти куски к израненному и исколотому телу. Все смотрели на него с почтительным удивлением. Все-таки это было доказательством того, что он желал вернуться к жизни и искать какого-нибудь выхода. Все молча ждали, когда старик окончит свое дело: надо было сообща сговориться, что делать дальше, где укрыться и куда направиться.

В то время во всей стране не осталось почти ни одного уголка, который бы не подвергся разбойничьему набегу чехов, поморов или

пруссаков. Особенно тяжелым было положение богатых помещиков, духовенства и рыцарства, которые при Мешке Первом и Болеславе приняли христианство, ни один костел, ни один монастырь не был пощажён грабителями, ни одно кладбище не избежало осквернения. Почти все капелланы пали от руки убийц, и великое дело обращения в христианство, совершенное при помощи христианских народов, было уничтожено. Это было от части на руку немцам, которые приобретали таким образом право обращения мечом, завоевания и захвата верховной власти над вновь отстроенным костелом.

Русь и венгры, со своей стороны, ждали только удобного момента, чтобы вырвать у Польши земли, завоеванные Болеславом. Чешский Бжезислав мечтал даже о завоевании всего Польского королевства и о присоединении его к своим владениям. И это великое дело он начал с ограбления Кракова, Гнезны и Познани и опустошения всех областей, которыми он хотел править.

Когда Лясота, перевязав свои раны, снова лег на землю, а Дембец уселся в сторонке, братья Доливы, переглянувшись между собой, продолжали прерванный разговор.

— Как же вы думаете? — заговорил Мшщуй. — Что нам делать? Говорите вы первый,

мы хотим послушать старшего.

Лясота поднял голову, как бы для того, чтобы убедиться, что эта речь относится к нему.

— Вы меня спрашиваете, — сказал он. — Да разве я сам знаю, что надо делать? Я знаю, чего не надо делать. Я не пойду за Вислу к Маславу, потому что стыд и срам кланяться сыну батрака после того, как человек служил помазанным королям. Мы все держались всегда вместе с нашими государями: были верны вдове Мешка, потом сыну его, Казимиру... И теперь мы пойдём к тому, кто их от нас отнял? А если бы мы и пошли к нему, то разве для того, чтобы он снял с нас головы: ведь кормить нас он не будет.

Братья Доливы не возражали ему.

— Может быть, вы не знаете Маслава так, как я его знаю, — прибавил Лясота. — Я помню, как он рос при дворе и был сначала мальчишкой при псарне, потом носил полотенца и кувшины, приручал соколов, наливал мед и понемногу вкрадывался в доверие и милость, дошел постепенно до цепи на шее и рыцарского пояса, стал доверенным и советчиком. Но и этого было мало его ненасытному честолюбию. По смерти Мешка он задумался жениться на королеве и стать королем, а Казимира извести. Но мудрая государыня отвергла его и окружила себя своими. Тогда стал ее же ругать за то, что она не хочет

думать о пользе страны и нас всех, и так ее преследовал, что она, забрав с собой все драгоценности, уехала к своим на Рейн. Остался Казимир, которого взял в свою опеку Маслав с намерением погубить его. И тот должен был бежать. Маслав легко от него отделался. А мы остались без государя и вместо него попали в лапы к волку. Страну нашу грабят и разоряют чужие люди. Ну, скажите, разве все это не его рук дело? Мы все отступились от изменника, а он тогда сделался язычником, чтобы расположить к себе чернь. И все язычники, сколько их там есть, пруссаки и поморы, все с ним. Что же мы там будем делать? Мы, крещенные и верующие в Иисуса Христа? Тела не спасем, а душу погубим.

Так говорил старик Лясота, а братья Доливы молчали.

— Да разве правда все, что говорят, — медленно заговорил, наконец, Мшщуй, — может ли быть, что он сделался язычником? Разве для видимости только, потому что я не верю, чтобы он им был взаправду.

Тут Дембец, сидевший поодаль, громко сказал:

— О, милостивый государь! Это всем видно, что он с язычниками заодно. Из земли вырыл старые жертвенники, везде расставил камни и столбы, как они стояли раньше, языческие обряды

справляются по-прежнему средь бела дня, не скрываясь. Ни одному ксендзу не дают пощады, где только увидят, сейчас же расправляются. Маслав говорит, что с ксендзами пришла неволя.

— Да, дурной человек Маслав, — сказал Вшеборь, — но как же спастись и где укрыться? В Чехии тоже ждут нас цепи и стрелы, Русь далеко, да и кто знает, как бы нас там приняли? А скитаться по лесам и умирать с голода... нет, лучше повеситься на первом суку.

Костер, около которого они сидели, погас; Дембец подбросил еще несколько головешек и снова развел его.

— Что делать? Что делать? — горестно повторяли они.

— Маслава я знаю, — отозвался Мшщуй после некоторого молчания, — мы служили с ним вместе при дворе и были очень дружны. Это человек смелый до бешенства, дерзкий до безумия, ему мерещится корона, потому что еще смолоду ему предсказала какая-та гадалка, что он пойдет высоко. Правда и то, что он не пощадил бы никого из нас, если бы ему это понадобилось для чего-нибудь, но что пользы ему в нашей гибели?

Они еще разговаривали, когда во мраке послышался какой-то шелест. На три шага не было ничего видно; все в испуге вскочили и стали внимательно прислушиваться; один только Лясота

остался неподвижен; сначала всем показалось, что это кони шарахнулись в сторону, увидав какого-нибудь зверя.

Но в это время ветер раздул пламя от костра, и оно осветило часть пожарища и какую-то фигуру.

Старый человек придерживался исхудавшей рукой за выступ уцелевшей стены, и достаточно было взглянуть на него, чтобы избавиться от всякого страха и узнать в нем несчастную жертву, скрывавшуюся где-то среди развалин и пришедшую на звук голосов.

Это был старик в потертой и загрязнившейся черной одежде, очень бледный и истощенный. Шея у него была длинная, худая, костистая, голова — коротко остриженная. Он горбился от старости, а страшная худоба едва позволяла ему держаться на ногах. Сухие губы его были раскрыты, глаза сохранили выражение испуга и недоумения, жизнь в нем едва теплилась.

Он поглядывал на сидевших, как бы отыскивая среди них знакомые лица, но, видно, язык не слушался его. Вдруг Мшщуй вскочил на ноги и подбежал к нему, крича:

— Это вы, отец Ян, это вы?

Старик качнул головой: голод и жажда лишили его сил и не позволили вымолвить слова; придерживаясь за выступ стены, он не решался приблизиться, чтобы не упасть, и дрожал всем

телом. Долива, подбежав к нему, подал ему руку и повел к огню.

Это был известный всем им настоятель городского костела. Он три дня скрывался в костельном склепе, питаясь крошками хлеба и утоляя жажду водой, по каплям стекавшей со стен. Услышав голоса людей и узнав своих, он собрал последние силы и вышел из своего убежища, в котором готовился уже к смерти.

Из всего своего имущества он сохранил самое драгоценное — книжку с молитвами, которую держал в руках, прижимая к груди.

Дембец поспешил на помощь старику: его поместили около огня; каретник принес ему воды, а Лясота отдал ему свой зачерствевший хлеб. Со слезами на глазах отец Ян благодарил судьбу и их, но еще долго от него нельзя было добиться ничего, кроме отрывочных фраз. Ужас и боль не за себя, а за участь костела и своих овечек, лишили его голоса.

Но отдохнув хорошенько и подкрепившись водой и пищей, он набрался сил и начал говорить, как будто в лихорадке, все повышая и повышая голос.

— Смотрел я на нашу гибель, — говорил он, — и, если бы прожил еще несколько веков, глаза мои никогда не забудут этого страшного зрелища! Как буря, налетели на нас грабители за

грехи наши. Город не мог защищаться, со всех окрестностей сбегались люди в замок, рук было больше, чем надо, а оружия — мало и больше всего страха. Кроме нашего воеводы и жупана прибежали люди от Шроды, сбежалась шляхта из ближних поместий. Было так тесно, что нечем было дышать в окопах.

Я остался при костеле, — мне нельзя было оставлять его. Я облачился в священнические одежды и взял в руки крест, ведь все же они были христиане, хоть и враги наши!

Никто и не думал сопротивляться, потому что некому было защитить нас, выслали навстречу к ним старшину Прокопа с просьбой о помиловании и с изъявлением покорности.

Но не помогли наши униженные мольбы. Весь народ был уведен в неволю, город — разрушен и разграблен. То был судный день гнева Господня. Меня на пороге костела чернь схватила за волосы, бросила на землю и топтала ногами.

Но воля Божья направила этих людей искать сокровища, в сакристии, а я успел в это время укрыться между гробницами за каменными плитами. Разбойники пришли и туда, проходили около меня, чуть не задевали меня одеждой, а я каждую минуту ждал, что они схватят меня и потянут на смерть, но Бог ослепил их. Они разбили гробы, вытащили оттуда трупы, а меня оставили. Я

слышал, как над головой моей пылал костел, слышал, как падали бревна, как рухнула крыша, и обгоревшие части ее, провалившись в раскрытые двери склепа, упали почти у самых моих ног.

Я остался невредим! Для чего Богу угодно было продлить мою жизнь, — я не знаю, — прибавил старец и, помолчав немного, продолжал. — Если для чего-нибудь была сохранена моя жизнь, то, верно, для того, чтобы я услышал ваш ропот и жалобы и принес вам утешение. С могилы, на которой я стою, глаза мои видят ясно. Не тревожьтесь о том, что крест упал, и вернулось язычество, — не думайте бить поклоны Маславу. Как проносятся вихрь и буря, так пройдет и гнев Божий: ветви обломаются, но стволы останутся целы и снова зазеленеют весною. Но плакать и роптать, ломать в отчаянии руки и падать на землю, — не ваше дело, вам надо собираться вместе и защищаться. Плачут женщины, мужчины — борются. Бог поможет мужественным, если они вознесут к нему сердца. Разве уж погибло все наше рыцарство, что завоевывало земли с Болеславом?

Разве осталась только чернь, которая и тысячами не страшна, если одно сердце станет за тысячу?

Вы теперь все порознь идете, но, если соберетесь вместе и возьмете в руки крест, — победа будет за вами. Напуганная чернь бросится в

леса, а изменники понесут головы под меч и в петлю. Кланяться Маславу, — с жаром говорил старик, — это то же, что отречься от Бога и святого креста. Бог дает злым временное торжество, но не дает им власти. Ступайте, собирайтесь вместе, советуйтесь и выбирайте себе князя. С вами будет Бог.

Мне жаль костела, но глаза мои видят, как он скоро поднимется, как зазвучат в нем гимны в честь и славу Господа бога! Не падайте духом, имейте веру в Бога! Бог вас спасет.

Говоря это, старец чувствовал все большую и большую слабость; дрожащею рукою он благословил на все четыре стороны слушателей, склонивших перед ним головы, и умолк, опускаясь на землю. Прибежал Дембец с охапкой соломы, которую он приготовил было для себя: на ней он уложил ослабевшего ксендза, который сложил руки на груди и сомкнул веки, как бы засыпая.

Все молчали; огонь потухал, и остальные тоже готовились ко сну.

Небо понемногу очищалось от туч; среди разорванных облаков мигали кое-где бледные звезды. Затихал ветер, и тишина, все реже прерываемая шумом в воздухе распространялась над долиной, погруженной во мрак. И только узкая полоска неба еще светилась отблеском вечерней зари. Вдохновенные слова старца оживили сердце

надеждой; все думали о том, что предпринять завтра и, хотя не высказывали вслух своих предположений, — мыслили все одинаково. Надо было искать своих и соединиться вместе, не теряя надежды на лучшее.

Новая тяжесть спала на трех всадников: им надо было забрать с собой ослабевшего старца, которого они не могли обречь на голодную смерть или на поругание врагам. Младшие еще могли идти пешком, но Дембец, который тоже собирался идти с ними, не мог ходить быстро, да и кони, ослабевшие от голодания, не годились для торопливой езды. Об этом думали все, не смея высказать своих мыслей и, сидя у потухавшего огня, впадали понемногу в дремоту.

Отец Ян, утомившись, очевидно, заснул крепко, — не слышно было даже дыханья.

Лясота тоже, видимо, не очень заботился о своей судьбе и равнодушно ждал, что будет дальше. Так прошла ночь.

Уже рассветало, когда братья Долины начали совещаться между собой, в какую сторону направиться. Они уже не говорили о Маславе, но намеревались лесами пробраться к Висле, чтобы укрыться где-нибудь в Мазурской земле, потому что там чернь еще не поднялась.

День занимался, когда петухи, каким-то чудом уцелевшие на пожарище, прокричали приветствие

утренней заре, объявляя опустевшей земле о начале нового дня. Услышав этот крик, все встрепенулись. Он также напомнил им лучшие времена в спокойных усадьбах! А единственный обитатель опустевшего поселения, не заботясь о том, что его окружало, испустил, может быть, в последний раз громкий крик, — призывая к жизни смерть и пепел, и крик этот прозвучал в одно и то же время, как страшное издевательство, и как напоминание. Объятые различными чувствами — одни тревогой, другие — бодростью, все начали подниматься с земли, словно пристыженные этим бдительным сторожем.

— И мы, пока живы, должны так сзывать друг друга, — вскричал Лясота, усиливаясь подняться.

— В дорогу!

Глава 2

Тихая и спокойная ночь сменилась пасмурным утром, ветер, словно разбуженный, снова, как вчера, погнал облака. Сначала пронеслись маленькие, румяные посланники зари, а за ними потянулась целая вереница серых, сливавшихся в огромные клубки, изрезанные по краям, и вот все небо, затянулось как будто печальной полотняной пеленой, а по ней клубились и свивались все новые громады туч. Ветер принялся

подметать и землю, опрокидывая кое-где обуглившиеся части строений; они падали на пепелище, а дым и смрад неслись вверх и распространялись далеко вокруг.

Холодный западный ветер принудил всех подняться с земли. Надо было позаботиться о более удобном убежище.

В этой гдецкой болотистой, отовсюду открытой, низине, всякое нападение грозило опасностью; негде было укрыться, нельзя защищаться. Гораздо выгоднее было схорониться в ближних лесах.

Первыми встали братья Доливы, которым надо было попоить коней.

Дембец тоже приготовился разложить костер, чтобы подкрепить теплой пищей хотя бы раненого Лясоту и заостеневшего от холода старца. Мшщуй, встав с места, хотел прикрыть своим плащом отца Яна, но, наклонившись над ним, заметил, что лицо его было мертвенно бледно, и, приложив руку к его голове, убедился, что Капеллан был мертв. Он должно быть, умер спокойно, точно с молитвой на устах, руки его были сложены вместе на книжке, которую он вынес из костела. Эта книжка была единственным наследством, оставшимся после него.

Мшщуй не был ни удивлен, ни огорчен этой смертью: для отца Яна она была благодеянием, для

путников освобождением от тяжести, с которой они не знали, как справиться. Переговорив с братом и убедившись окончательно, что отец Ян умер и совершенно закаменел, Мшщуй занялся прежде всего погребением старца. Нельзя же было оставить труп на съедение диким зверям и воронам; на общем совете решено было похоронить его в костельном склепе, из которого он вчера вышел к ним.

Дембец предлагал им свою помощь в этом богоугодном деле, но братья послали его присмотреть за конями, а сами, подняв труп за голову и ноги, в молчании отправились на рассвете к развалинам костела, находившегося неподалеку оттуда.

Здесь, как бы готовясь принять бранные останки капеллана, ждал его раскрытый дубовый гроб, из которого грабители вытащили мертвеца... В этот гроб братья благоговейно опустили отца Яна и прикрыли его на вечное отдохновение тяжелой крышкой. Потом, задвинув каменной плитой, закрывавшей раньше вход в гробницу, отверстие под землей, вернулись к сожженной хате. Лясота, давно уже проснувшийся, смотрел с каким-то каменным равнодушием на все, что происходило вокруг него; так смотрят люди, перенесшие большое горе: он не скорбел о чужой смерти и не побоялся бы своей собственной. Дембец, стоя на

колених, варил что-то в горшке, кони были напоены, и хоть не нашли обильной пищи в наполовину выжженных оградах, все же выглядели бодрее, чем накануне.

Утро, сначала пасмурное, начинало светлеть, когда братья Доливы собрались двинуться в путь. Лясота еще лежал, подперев голову рукою.

— Отец, — обратился Мшщуй к старику, который, по-видимому, и не думал о путешествии, — нам надо ехать, и вы должны ехать с нами.

Лясота покачал головой.

— Дайте мне спокойно умереть, — произнес он едва слышным голосом. — К чему столько мучиться, только для того, чтобы спасти жизнь, которая ни на что уж не нужна. Если бы я мог владеть руками!

— Но мы вас здесь не оставим! — вскричал Мшщуй.

— Ксендзу Господь закрыл глаза, Он поможет и мне умереть здесь, — сказал старик.

— Видно, Бог не хочет этого, если спас вам жизнь, — прибавил другой брат.

Доливы не захотели предоставить старика его участи и, почти силою подняв его, посадили на коня, у которого раны уже присохли. Дембец деятельно помогал им. Все двинулись в путь, оставляя за собой сгоревший поселок, которому уж

никогда, видно, не суждено было достигнуть прежнего богатства и значения. Проезжая мимо селения, все еще раз оглянулись назад, созерцая странную картину разрушения.

Гдечь был в то время ярким образом всей Польши, сожженной и разрушенной, разграбленной и пустой, а, вдобавок, не имевшей верховного вождя. И болело сердце у тех, кто видел ее еще недавно полной жизни и веселья, залитой шумной толпой, сновавшей по всем улицам — с богатыми усадьбами, с костелами, в которых раздавались звуки гимнов. Теперь город молчал, как огромное кладбище, вороны носились над развалинами, ища недогнивших еще трупов, а обезумевшая чернь уничтожала все, что еще уцелело после погрома.

В мрачном молчании путники проехали мимо разрушенного замка и направились по дороге к лесу.

Окрестности были совершенно безлюдны, все, кому удалось спастись от чехов, скрывались в лесах. И наши путники почувствовали себя в сравнительной безопасности, когда очутились среди деревьев. Здесь не легко было выбрать дорогу, хотя все хорошо знали местность. Самая большая тропинка была неудобна для беглецов, потому что на ней легко могли встретиться с вооруженными отрядами или с чехами, бродившими по всей стране.

Вооруженная чернь не давала пощады рыцарям, а чехи — брали в неволю. Следовательно, они должны были свернуть с главной дороги и ехать прямо лесом, а Мшщуй, который любил охотиться, уверял, что он сумеет вывести всех к Висле, руководясь корою деревьев. Не было иного пути, как только ехать за Вислу, хотя в спокойствие, которое будто бы там царствовало, никто не верил, никто не мог поручиться за безопасность, а четверо беглецов, из которых один был беззащитен, а другой изранен и истощен голодом, не могли обороняться даже против небольшой кучки людей.

Вся пища, которую они имели, заключалась в мешке, который нес на плечах Дембец, а братья Доливы везли остатки в своих торбах, привешенных к седлам, а всего этого могло хватить не на долго. Осталась только надежда на Провидение.

В лесной чаще осень еще не произвела таких опустошений, как на опушке: здесь уцелело много листьев, травы и зелени, и ветер был не так силен. Проехав лесную опушку и вступив в чащу, путники поехали медленнее, внимательно прислушиваясь и чувствуя себя в безопасности. Впереди ехал Мшщуй, показывая дорогу, за его конем шел Дембец, за ним, опустив поводья, похожий на живого мертвеца, тащился на коне Лясота, а

Вшебор замыкал шествие.

Раза два или три у них из-под ног выскочил зверь, но никто не соблазнился им; гнаться за ним было невозможно, а бросить в него копьем — не попадешь. И только несколько часов спустя Мшщую удалось удачно попасть копьем в молоденькую серну, выбежавшую из леса и в испуге остановившуюся перед ними. Дембец побежал за нею и догнал раненое животное. Это была хорошая добыча и, добравшись до полянки, чтобы дать корм и отдых коням, они могли изжарить себе мяса, которого уже давно не ели.

В лесной чаще ничто не обнаруживало присутствия людей, всюду царило молчание, и хотя Мшщуй для безопасности прислушивался, лежа ухом к земле, он не услышал ничего, что могло бы пробудить опасение. Переждав, пока кони вволю наелись хорошей травы, напились воды в ручье и посвежели, путники двинулись дальше.

Дорога шла почти все время бором, самой его чащей, в том направлении, где по уверениям Мшщуя, который уже высчитал дни и часы, когда они достигнут цели, — протекала Висла. Никто не оспаривал его, потому что он лучше других знал эти места, и имел вид человека, уверенного в себе. Лясота был ко всему равнодушен, он послушно следовал за другими, ни о чем не спрашивая и почти не замечая окружающего. Делал то, что ему

говорили, и, как бы лишившись собственной воли, позволял поить и кормить себя, но сам ничего не просил. Спутники его заботились о нем, не удивляясь его состоянию; они знали, что он потерял семью, и видели, что и в нем самом оставалось уж немного жизни.

День уже склонялся к вечеру, когда Мшщуй, медленно ехавший впереди и зорко вглядывавшийся вдаль, чтобы вовремя заметить опасность, дал знак остальным, чтобы они остановились. Всадники сдержали коней и насторожились. Мшщуй, сойдя со своего коня, пошел, наклонившись, вперед, а потом пополз на животе.

Сквозь ветви деревьев, с которых уже облетела часть листьев, на лужайке, у подножия дуба, виднелось что-то, чего нельзя было хорошо разглядеть. Как будто белело платье, обнаруживавшее присутствие людей. Мшщуй тихонько подкрался к самому стволу старого дерева, но тут, оглядевшись хорошенько, смело встал на ноги.

Ехавшие за ним догадались, что бояться нечего. Он кивнул и им, чтобы подъезжали ближе.

Зрелище, которое открылось перед ними, поразило всех, но возбудило в них не страх, а жалость. У подножья сидела с распущенными волосами прелестная девушка лет пятнадцати. Но

этот свежий цветочек уже согнулся под дуновением какого-то резкого ветра; на бледном личике рисовалось глубокое страдание. Подняв глаза к небу, она сидела так, неподвижная, как статуя. Из голубых глаз медленно текли струйки слез, текли и засыхали на лице, и только две крупных, как жемчужины, слезы блестели, не высыхая. Руки ее были подложены под голову и опирались на дерево, а на коленях у нее лежала другая женщина, покрытая какой-то одеждой, так что головы ее не было видно, спящая, больная или просто усталая. Около двух женщин валялись на земле брошенные узелки, платья, корзина с пищей и мелкая утварь.

Они были одни — никого вблизи не было видно. Их одежда обнаруживала знатных женщин из рода жупанов или владык. На младшей верхняя одежда была обшита мехом, старшая была закрыта платьем из тяжелой драгоценной парчи. На шее девушки блестела золотая цепочка с украшениями, в ушах были серьги, а на белых руках, закинутых за голову, сверкали перстни.

Мшщуй, первый увидевший ее, стоял как вкопанный. Он никогда в жизни не видел более красивой девушки; она казалась ему королевою или зачарованным лесным духом. А женщины точно окаменели: не видели и не слышали приближения людей и оставались по-прежнему неподвижными. Мшщуй догадался, что женщина, лежавшая на

колених у девушки, вероятно, спала, а та боялась малейшим движением нарушить ее сон.

И только тогда, когда кони подошли ближе, и послышалось их фырканье и топот копыт, девочка с криком рванулась с места и стала будить спящую... С испуга потеряв всякую способность соображать, она не знала, что делать, потому что старшая женщина, проснувшись, не сразу пришла в себя.

Но когда она поднялась, то оказалась уже не молодой, но еще свежей и красивой женщиной, с прекрасными чертами лица, с черными бровями и глазами, смотревшими гордо и повелительно. Густые темные брови двумя полукруглыми дугами выделялись над веками, прикрывавшими большие пламенные глаза. В них была тревога, но и гнев в то же время. Девушка, гораздо больше испугавшаяся, старалась схватить ее за руку, увлечь за собой, но в это время показался Мшщуй и поспешил крикнуть им, что им нечего бояться. При звуках этого голоса, убедившись, что это были свои — женщины, хоть еще не решались оторваться друг от друга, все же заметно успокоились. Старшая встала, гордо выпрямилась, прикрылась плащом, который закрывал ее во время сна, и принялась довольно смело приглядываться к Доливе. Младшая спряталась за ее спину, и скорее инстинктивно, чем сознательно, стала собирать длинные пряди рассыпавшихся волос, покрывавших ее плечи, как

бы золотистым плащом.

Мшщуй, которому часто приходилось бывать при княжеском дворе и в усадьбах окрестной шляхты, не мог припомнить, кто могли быть эти две женщины; между тем наружность их была такова, что их невозможно было забыть тому, кто хоть раз их видел. Расцветающая красота девушки невольно приковывала внимание и уже навек запечатлевалась в памяти. Но и старшая женщина была поразительно красива и интересна и выражением лица, и манерами, обличавшими в ней чужеземку. У нее и цвет лица был более смуглый, чем у польских женщин, а на верхней губе виднелся черный пушок. Крепкая, высокая, полная, она имела вид и манеры королевы, а взгляд ее обнаруживал привычку властвовать.

Хотя сама эта встреча в чаще леса и испуг младшей из женщин свидетельствовали о том, что они находились в отчаянном положении, одни, всеми покинутые и преследуемые дикой чернью, которая не щадила ни костелов, ни женщин, однако, несмотря на это, в выражении лица старшей не было заметно особенной тревоги. Только черные дугообразные брови сдвинулись над глазами, и две морщины прорезали лоб. Она долго приглядывалась к мшщую, ожидая чтобы он заговорил первый.

— Не бойтесь, милостивая пани, — сказал

новоприбывший, — мы не разбойники, мы сами уходим от разбойников. Вот здесь нас двое братьев Долив, а это — лясота из-под Шроды, а тот — служащий человек из замка. Мы едем из разоренного края, от Гдеча, где уже не осталось ни одной живой души.

Пока Мшщуй говорил это, женщина не спускала с него внимательного взгляда и потом с таким же вниманием стала присматриваться к подъехавшим спутникам Мшщуя; из-за ее плеча выглядывало встревоженное бледное личико девушки, кутавшейся в материнский плащ.

При виде этих одиноких, беззащитных женщин в чаще леса, все остановились, глядя на них с глубоким сожалением. Борьба со всякого рода несчастьями — мужское дело, но когда беспомощной и бессильной женщине приходится стать лицом к лицу с разнузданной чернью, когда гибнет девушка в цвете лет, тогда сжимается болью самое равнодушное сердце.

Объятые глубокой жалостью, подъехавшие мужчины молча смотрели на женщин; и даже Лясота, который вспомнил свою семью, шире раскрыл угасавшие глаза и задвигался на своем коне.

— Благодарение Всевышнему за то, что Он привел вас сюда, — заговорила старшая женщина, — благодарение Господу! Вот уже

третий день, как мы сидим здесь одни, плача и дрожа. Последний слуга, который был с нами, пошел разузнать, что делается в окрестностях, и еще не вернулся. На нашу усадьбу, Понец, напали жестокие полчища — целая масса людей... Мы с дочкой едва-едва успели спастись, захватив с собою старого слугу. Но и тот ушел и не вернулся, а нас здесь ждет голодная смерть или звериная пасть... Бог один ведает, что случилось с домом и с мужем!..

Прикрыла рукой глаза, из которых брызнули слезы, и умолкла.

Все сошли с коней и подошли к ним ближе. Молодая девушка, все еще не отделавшаяся от страха, пряталась за мать. Имя мужа этой женщины было известно рыцарям: сама она была родом с Руси, родилась от матери гречанки, а замуж вышла за могущественного владыку Леливу. Звали ее Мартой.

При Болеславе Великом, когда отношения с Русью были теснее и отличались большим дружелюбием, князья жупаны часто женились на русинках, а иногда русины выбирали себе жен при дворе короля или в шляхетских усадьбах.

Никто из рыцарей не знал Марты Леливы и ее дочери и никогда в жизни не встречался с ними. Но мужа ее Спицимира или Спытка, как его называли, недавно поселившегося в усадьбе Понец, видали не раз и Лясота, и братья Доливы. Это был уже

пожилой человек, рыцарь в полном смысле этого слова, беззаветно храбрый, прославившийся своими смелыми походами. Страшно было даже подумать о том, что с ним могло случиться, но всем было одинаково ясно, что, если в момент нападения он был дома, то скорее отдал бы жизнь, чем спасся бегством. Он мог устроить побег жены и дочери, но сам, наверное, выдержал нападение.

Но не желая напрасными словами увеличивать горе женщины, никто не спрашивал о нем; она сама, ломая руки, начала рассказывать о нем, потому что, как все женщины, перенесшие тяжелое горе, она не могла уже больше сдерживаться и должна была говорить о себе.

— Бог один ведает, что случилось с моим любимым мужем, — говорила она. — Он хотел биться со своими людьми до последней крайности, но разве мыслимо, чтобы он мог, хотя бы с боем прорваться сквозь ту толпу, что его окружила со всех сторон?

Тут обе женщины принялись плакать. Тогда Лясота, не проронивший до сих пор ни слова, подошел к ним и показал им свою растерзанную одежду и окровавленное тело, кое-как перевязанное тряпками, на которых проступали пятна крови.

— Теперь уже не надо роптать, а надо благодарить Бога тем, в ком еще есть кровь, — сказал он. Мои все погибли. Я спасся только чудом.

Кого Бог осиротил, тот должен покориться судьбе, оплакав погибших. Благодарите Бога, что вас не изрезала в куски чернь, которая озлилась на всех рыцарей, жупанов и владык и решила уничтожить наше племя во всех землях.

Я знавал Спытка и думаю, что не посрамил себя и сражался до конца. Да и нам, мне и многим еще уцелевшим, немного уж осталось жить. Знаете ли вы, милостивая пани, что из тех панов, что укрылись в Гдече, не спаслась ни одна живая душа: кто остался жив, того увели в неволю.

Женщины снова заплакали, громко причитая и ропща на судьбу, все остальные молчали, не было слов, которыми можно было бы утешить их. Между тем наступил вечер и решено было расположиться здесь на ночлег, чтобы не оставлять женщин одних, а те не могли двинуться дальше в ожидании слуг. Но кто знал, суждено ли им дожждаться их?

Хотя положение беглецов было настолько серьезно и опасно, что как будто и не время было думать о женской красоте и поддаться ее обаянию, но братья Доливы, оба молодые, не женатые, и горячие сердцем, увидев дочку Спытка, сразу влюбились в не и не могли налюбоваться ею.

Девушка, видя, как они следили за ней взглядами, пряталась за мать; но это плохо помогало, потому что братья под предлогом различных мелких услуг, старались подойти к ним

поближе, чтобы хоть посмотреть на нее и полюбоваться красотой. Правда оба лагеря были на известном расстоянии один от другого, и женщины отошли в сторонку, но молодые люди без труда находили предлоги, чтобы подойти к ним.

Слуга Спытков, которого она ждала с вестями от мужа, — не возвращался; и становилось все более вероятным, что его или схватили где-нибудь по дороге, или он заблудился в лесу, или стал жертвой дикого зверя, хотя был очень толковый человек, чувствовавший себя в лесу, как дома. Для Долив ясно было только то, что нельзя было оставить в таком состоянии этих несчастных женщин. У них не было лишних коней, и маленький их отряд, увеличенный ими, должен был еще медленнее двигаться в сторону Вислы, а опасность этого путешествия еще усиливалась. Но никто не жаловался на это. Обоим братьям улыбалась совместная поездка с дочерью Спытка, в которую оба они сразу влюбились.

К ночи, когда возвращение слуги становилось все более сомнительным, — начали советоваться о том, что делать утром, потому что недостаток в пище не позволял откладывать выступление в путь. Спыткова со слезами начала умолять не оставлять их на произвол судьбы. На это отозвался старый Лясота, снова обретший дар слова.

— Об этом никто не думает. Но и с нами вам

не будет спокойнее и удобнее, потому что мы и сами не можем защитить себя и пробираемся крадучись, чтобы ни с кем не встречаться.

— А куда же вы направлялись? — спросила Спыткова.

— Мы?.. Да к Висле, — отвечал старик. — Но одно дело идти нам одним, а другое — брать с собою женщин. Доливы вели нас к Висле, где, говорят, еще спокойно на Мазурских землях; там этот негодяй Маслав держит народ в железных руках. Но мы знать его не хотим и тем более не должны показывать ему женщин, потому что у него тоже нет ничего святого; он упился, как медом, своей силой. Вот мы и бредем на Вислу, а куда? — Бог один ведает... Долго никто не возражал ему.

— Эх! — отозвался, наконец, Мшщуй, — не вечно же все будет так, как теперь. Все придет в порядок; наши соберутся вместе, а мы пока построим шалаши и переждем безвременье.

— А Голод? — опустив голову, промолвил Лясота.

— Ну, этого нам нечего бояться, — улыбаясь, отвечали братья Доливы, — что-нибудь придумаем... В конце концов, что у нас осталось? Мы должны позаботиться о самих себе и спасти свою жизнь.

Старик ничего не отвечал на это, женщины перешептывались между собой, и, не придя ни к

какому решению, все умолкли.

Была уже ночь, когда среди лесной тишины послышались звуки, перепугавшие всех, особенно женщин. Все явственно услышали шелест среди кустов. Мшщуй и Вшебор бросились к коням и оружию. Теперь уже можно было различить чьи-то шаги, а скоро из-за чащи деревьев показался, внимательно осматриваясь, человек, опирающийся на палку и имевший за поясом топор и дротик. Это и был слуга, посланный Спытковой на разведки о муже.

Женщины, узнав его, бросились к нему с вопросами, но, взглядевшись в него внимательно, приостановились, выжидая.

Он шел или, брел, едва передвигая ноги от усталости, а по страшно исхудавшему и пасмурному лицу не трудно было отгадать, что вести, принесенные им, никого не могли утешить.

Приблизившись к огню, он остановился, опираясь на посох и жалостливо поглядывая на свою госпожу, как бы приготовляя ее к тому, что ей не о чем было и спрашивать. И Спыткова не решалась спрашивать, предпочитая продлить минуты неизвестности, чем услышать известие, которое она угадывала сердцем. Тогда старый Собек, не выдержав взгляда своих господ, — потерял все свое мужество и заплакал. Зловещее молчание — предвестник надвигающейся бури,

воцарилось около костра. Первым заговорил Лясота.

— Спытек погиб? А что случилось с усадьбой?

Собек, покрутив рукой в воздухе, указал ею на землю.

— Я смотрел издали, как дымилось наше гнездо, — сказал он, — его уже нет больше, и никого нет в нем, ничего не осталось... Раненый Жутва, дотащившийся с пожарища до лесу, где я и нашел его умирающим, сказал мне только то, что пан наш уложил целую гору трупов, пока добрались до него, и погиб рыцарскою смертью. Злодеи рассекли его на куски.

Женщины, услышав это, с громкими рыданиями упали на землю, но никто не посмел удерживать их от слез! А Собек, не прибавив больше ни слова, повалился тут же, где стоял, у огня, потому что ноги отнялись у него от изнеможенья. Доливы и Лясота отошли в сторону, оставив плачущих оплакивать свое горе и печальную судьбу, и советуясь между собой о том, что предпринять дальше.

Теперь их отряд увеличился тремя пешими людьми, потому что и Собек ведь должен был присоединиться к ним. Братья согласились на том, чтобы посадить женщин на коней, а самим идти пешком. Лясоту нельзя было лишить его старой исхудавшей клячи, потому что он не мог идти. Но

такой способ путешествия значительно усложнял дело.

Два брата отошли в сторону посоветоваться между собой, и хотя в решении своем оба были единодушны, но тем не менее поглядывали друг на друга так, как будто собирались кусаться, и взгляды, которым они обменивались, были полны недоверия. А всему виной была девушка, на которую зарились оба, и потому пытливо заглядывали в глаза друг другу; Мшщуй подозревал Вшебора, а Вшебор Мшщую.

— Я дам моего коня девушке, — сказал Мшщуй, подбоченившись, — и сам пойду рядом с нею, чтобы он не испугался чего-нибудь и не упал.

— Почему ты, а не я? — насмешливо заметил Вшебор, — ведь и я это могу сделать.

— А почему же непременно тебе должна достаться девушка? — сердито оборвал другой.

Они обменялись неприязненными взглядами.

— Потому что девушка мне нравится! — засмеялся Вшебор.

— И мне тоже, — возразил Мшщуй.

— Ну, и мне!

— И мне!

Они начали перебрасываться резкими словами, измеряя друг друга такими взглядами, как будто собирались вызвать на бой.

Ни один не желал уступить.

А так как оба были пылкого нрава и легко раздражались, то и теперь, казалось, готова была разразиться буря. Но, к счастью, им стало стыдно перед людьми и перед самими собой.

— Ну, послушай, — сказал Вшебор, понизив голос, — не время нам драться из-за чужой девки, бросим все это. Прежде надо спасти ее и мать, а потом уж решать, чья она будет. Пусть Спыткова и дочка сами выберут себе коня, а мы оба пойдем за ними.

Мшщуй кивнул головой.

— Только ты не воображай, — прибавил он, — что я тебе так легко уступлю ее. Ты знаешь, что со мной шутки плохи.

— Да и со мной тоже... Мы знаем друг друга.

— Ну, разумеется... Да и нечего тут спорить. Никто не может взять девушку силой.

Вшебор презрительно усмехнулся.

— Почему? — спросил он. — Женщин чаще всего берут силой.

— Ну, силой, так силой, — пробормотал другой.

И снова чуть-чуть не поссорились. Еще хорошо, что вся их ссора происходила в стороне, так что никто не мог их подсмотреть и подслушать. Они замолчали на время, но, расходясь, затаили в душе гнев и неприязнь друг к другу.

Ночью надо было, кое-как сложив шалаши,

затушить огонь, чтобы он не выдал их, а одному, по очереди, стоять на страже. По счастью, еще хмурое осеннее небо в тот день не разлилось дождем по земле.

С рассветом стали готовиться в путь. Вчерашнее соревнование началось снова, но без слов пока. Оба брата спешили подать коней женщинам, беспокоясь о том, какого выберет себе девушка. И, торопя друг друга, они обменивались горящими взглядами, и никто в этом споре не думал уступить другому.

Уже были связаны узлы и мешки, которые должен был захватить с собой Собек, мать и дочь оделись и ждали, когда все двинутся в путь. В это время перед ними появились братья Доливы со своими конями. Марта Спыткова поблагодарила и выбрала себе коня Вшебора, потому что этот конь был крепче и сильнее, а она хотела посадить дочку позади себя, чтобы не расставаться с нею в пути, но тут вмешался Мшщуй и заявил, что кони их ослабели, а путь предвиделся долгий и нельзя было ехать вдвоем на одном коне.

Девушка стояла в нерешимости, не желая расставаться с матерью, да и матери не хотелось отпустить ее от себя. Они уже готовы были идти пешком. Доливы все еще стояли перед ними, мешкать было невозможно.

— Милостивая пани, — сказал Мшщуй, —

теперь некогда раздумывать. Садитесь вы на одну лошадь, а девушка — на другую, — мы пойдем рядом с вами, и она будет у вас на глазах.

Но девушка жалась к матери, и Спыткова не могла решиться. Лясота, которому помогли сесть на коня, заметил:

— Что тут торговаться, — когда надо спасать жизнь!

Тогда мать, обняв дочку и шепнув ей что-то на ухо, села на коня Вшебора, а Касю предоставила Мшщую, который бросил брату презрительный и насмешливый взгляд.

Девушку звали Катериной — по имени одной из наиболее уважаемых в то время святых.

Итак, с Божьей помощью, все двинулись в путь лесными тропинками, — так что ехать приходилось гуськом и девушка очутилась за матерью, но она так закуталась и закрылась, что Мшщуй не видел даже ее глаз.

Проходя мимо брата, Вшебор шепнул ему на ухо.

— Не надейся, что ты долго будешь наслаждаться с нею, я возьму ее потом себе.

— Ну, увидим, — сказал Мшщуй.

— Увидим...

— Посмотрим.

Маленький караван нарочно выбирал самые глухие тропинки, по которым не ступала еще нога

человеческая. Лес тянулся непрерывно, и как льстил себя надеждою Долива, должен был вывести их к Висле; в то время вся страна представляла из себя один огромный лес, только местами вырубленный и расчищенный.

Куда бы ни пошел человек, — ближе или дальше, везде перед ними был лес, а если и попадалась иногда поляна или луг, то за ней сейчас же снова начинался бор. Так ехали они долго, — но вдруг лес начал редеть с юга, и Мшщуй, забежав в испуге вперед, увидел перед собой широкую, плоскую, открытую со всех сторон равнину.

Правда, за этой равниной снова расстилались густые леса, но так далеко, что при медленном передвижении потребовался бы целый день, чтобы доехать туда. Как раз в той стороне и должна была протекать та Висла, за которой они хотели укрыться. Надо было хорошенько обдумать положение, чтобы не стоять долго на виду среди поредевшего леса.

Собек предложил, оставив узлы и мешки, тихонько подползти вперед, чтобы рассмотреть местность.

Дым, в различных местах поднимавшийся над землею, свидетельствовал о том, что долина эта не была совершенно опустошена.

Собек влез на дерево и увидел вдали спаленный замок, полуразрушенные стены костела,

но что хуже всего — ему показалось, что он видит огромный лагерь конных и пеших людей, несколько больших костров, около которых паслись стада, лежал рогатый скот и кони и возвышались кучи каких-то сваленных вместе предметов.

Он догадался, что они, по несчастью, набрали на один из тех караванов, которые, переходя от селенья к селенью, грабили и разоряли усадьбы, замки, монастыри и костелы, равняя их с землей.

Была ли это окрестная чернь, пруссаки или Маславово войско — об этом трудно было догадаться, но для беглецов оно было одинаково плохо.

Женщины встревожились и хотели было сейчас же возвращаться назад, в лесную чащу, хотя лагерь был расположен на большом расстоянии от того места, где они находились; все сошлись на том, чтобы взять влево и пробираться в ту сторону, где виднелись леса и этими лесами обойти долину. Собек, который был смелее других, советовал переждать в лесу, пока он проберется вперед и все разузнает. Хоть Лясота отговаривал его от этого намерения, и женщины боялись лишиться слуги, но для путешественников было очень полезно узнать, что делалось в той стороне, куда они направлялись. Спор продолжался не долго; Собек был так уверен в себе и выражал такую готовность отправиться на разведки, что пришлось ему уступить. Человек

бывалый, он знал, что и как надо говорить, кем прикинуться перед разными людьми, и надеялся, что в толпе черни никто не обратит на него внимания. Крестьянская одежда и простой говор давали ему возможность пробраться, не возбуждив подозрения.

Лагерь был расположен на значительном расстоянии от опушки леса, и Собек должен был прокрадываться так, чтобы никто не заметил, что он вышел из лесу.

Долину пересекал ручей, по берегам которого росли густые вербы и лозняк. Собек до самого берега этого ручья полз по земле через весь луг. Очутившись среди кустов и осторожно пробираясь среди них, он мог подойти к самому лагерю и, никем не замеченный, появился в нем, как будто шел от стада, пасшегося над водой.

С ловкостью дикого человека, которым так же, как зверем, руководил инстинкт и опыт, Собек вошел в лозняк. Издали только зоркий глаз охотника мог бы заметить слегка колыхавшиеся ветви там, где он, осторожно пробираясь, задевал их. Но он избегал и этого, и, где только было можно, держался около самой воды.

Это осторожное передвижение над речонкой заняло у него довольно много времени; наконец, он услышал ржание коней, рев скота и шум и говор огромной людской толпы. Он был уже около

самого обоза. Ловкий и смелый Собек спрятал свой топор в лозах, а сам вышел из них, неся в руках пук наломанных ветвей; идя по дороге, он изгибал их и переплетал между собой. Никто даже не оглянулся на него, и он, с лозами под мышкой, вошел в стадо рассыпавшихся по лугу коней.

Отсюда он уже хорошо разглядел, что перед ним было не войско, не чехи и не пруссаки, а просто толпа разнузданной черни, бродившей с кольями и дубинами от усадьбы к усадьбе.

Со смехом и криками они делили награбленную добычу.

В центре лагеря лежали связанные женщины и подростки, взятые в неволю.

Немного поодаль валялись выброшенные из лагеря трупы, а около них с ворчаньем бегали собаки. Грабители не сооружали ни палаток, ни шалашей и спали под открытым небом на голой земле.

Повсюду виднелись громадные костры, а на них жарились бараны и зарезанный скот. Тут же стояли раскрытые бочки, из которых каждый черпал, сколько хотел. На земле кучами лежало награбленное в костелах и усадьбах богатство.

В различных местах лагеря возвышались изображения языческих богов. Старых было недостаточно, поэтому наделали новых, грубо и неумело вытесанных из дерева.

Раздавались языческие вызывающие песни, толпа была пьяна, но пела с жаром.

Собек стоял так, среди стада коней, не зная, на что решиться: идти ли дальше, или возвращаться, когда к нему подошел подвыпивший работник, который, с бичем в руке, присматривал за стадом, и стал внимательно присматриваться. Старик, ни мало не перетрусив, продолжал плести ветви, в свою очередь приглядываясь к нему.

— Плохой корм! — забормотал он, чтобы начать разговор.

— Да, для коней, — сказал Собек, — но для нас всего вдоволь. Что же ты голоден, что ли? — смеясь, он.

— Я-то нет, да мне скотину жаль.

— Э, что с нею станется! Ведь она нам даром досталась, ты сгонял ее по усадьбам, что ж за беда, если которая-нибудь и подохнет. Надо же и воронам чем-нибудь питаться, — спокойно говорил Собек.

— Ну, ну, — пробурчал работник, — пора бы уже бросить все это... В окрестностях не осталось ни одной усадьбы, ни одного монастыря, или хоть костелишка, — а я уж стосковался по хате.

— Что же ты в ней оставил? — спросил Собек, — девку, что ли?

— Да, может, еще и не одну, — возразил работник. — Я не бобыль, могу их взять.

Он повернул голову по направлению к лагерю.

— Вон там их сколько! Как старшины повыберут себе, нам останутся только бабы!

— А вы вернетесь к своей, оно и лучше будет. Там никто ее, верно, не обидел, если все ушли, — говорил Собек.

— Да, да, — забормотал работник, — может быть, все, а может быть, и не все.

Он зевнул и одновременно вздохнул, а потом ни с того, ни с сего так хлопнул бичем, что кони шарахнулись в сторону, а пастух рассмеялся.

— Ну, уж теперь, верно, вернемся, видно дальше делать нечего, когда ничего уже не осталось, — заметил Собек. — И я уж скучаю без хаты.

— Да, как же, так тебе и вернулись! — сказал пастух. — Осталось еще Ольшово. Там, в замке заперлись магнаты, а у них сокровища большие и девок сила, и никак их не взять! Вот мы и должны выкурить барсуков из норы!

— Это что еще за Ольшово, я не слыхал? — возразил старик.

— Потому что ты старый и глухой! — смеялся пастух. — А где же ты был, когда мы туда ходили?

— Я? — сказал Собек. — Да я же пас коров, я ничего не знаю.

— Там они много наших положили, мы

должны были уйти, но мы их возьмем!

Проговорив это, пастух принялся свистать и как будто потерял охоту к дальнейшему разговору.

Собек тоже никак не мог справиться с своей работой, лоза не гнулась, а ломалась, и он, ругаясь и проклиная, заявил, что пойдет искать лучших прутьев. Никто не обращал на него внимания. Он снова пошел в кусты над речкой. Скрылся в них весь, постоял, прислушался, притаившись, нашел спрятанный топор, засунул его за пояс и, заметив, что пастух опять улегся на сырой земле, пустился в обратный путь, с прежней осторожностью пробираясь между кустами по направлению к лесу.

Смелая вылазка окончилась благополучно, потому что никто не обратил на него внимания.

Все ускоряя шаги, он дошел так до лесной опушки и, выбравшись ползком из кустов, добежал, никем не замеченный, до чащи леса.

Здесь по следам конских копыт на влажной земле, он добрался до того места, где с нетерпением ожидали его остальные путники, со страхом думая о том, удастся ли ему что-нибудь разузнать. Спыткова уверяла, что он такой опытный и ловкий человек, какого нет больше на свете, поэтому и покойный муж выбрал его в провожатые ей и дочери. Собек вернулся раньше даже, чем его ожидали. Завидев его издали, все окружили его с расспросами.

— Ну что же вы там видели? Что за люди? — спросила Спыткова.

— Да все та же чернь, которая была и у нас в Понце, — сказал Собек. — Я не только видел их собственными глазами, но даже и разговаривал с их пастухом. Пожалуй, скоро уж они, разделивши добычу, разбредутся по своим хатам, — для них уж ничего не осталось кроме одного только Ольшовского замка. Там заперлись вельможные паны и набили у них не мало людей; они думают взять их голодом, потому что иначе никак не могут.

— Ну, ну, — прервал его Лясота, — этого уж они не дождутся. В Ольшове сидит старый Белина, он уж ко всему ранее приготовился и не дастся им в руки, хоть бы пришлось и год продержаться. Я Белину знаю. Люди смеялись над ним, что он, живя в безопасном месте, так всегда укреплялся, вооружался, окапывался и собирал запасы хлеба, — как будто готовился к осаде. Видно, он один знал, что делал.

— При Болеславе все думали, что уж всякая опасность миновала; он один только не верил в обращение и пророчил, что когда-нибудь язычники разрушат костелы, а нас всех — христиан вырежут.

— Он один только знал и ведал, что должно было случиться, — со вздохом прибавил Лясота.

— А почему же бы нам, милостивый пан, — заговорил Собек, кланяясь ему в ноги, — вместо

того, чтобы ехать за Вислу, до которой так трудно добраться, — не направиться в Ольшовский замок? Я бы нашел туда дорогу! Все помолчали.

— А ты разве хорошо знаешь дорогу? — спросил Лясота.

— Да уж провел бы вас, — поглаживая себя по голове и покачивая ею, отвечал старик.

— Да примут ли нас там? — прибавил старший Долива.

— Ну, как же они могут не принять? — возразил Лясота, — мы с ним одного рода. Они — мне близкая родня. Белина никогда еще не отказывал в гостеприимстве христианину и рыцарю.

— Да ведь мы не съедим его! — прибавила Спыткова, которая схватилась за эту мысль, как за якорь спасения.

Не возражали и братья Доливы, да и никто не оспаривал этой счастливой мысли, — все дело было только в том, каким способом и с какой стороны добраться до Белины. По словам Собека, до Ольшова было полтора или два дня дороги, и надо было подходить к замку осторожно, потому что хоть чернь и отступила от него, но кругом стояли часовые и стража и легко можно было попасть в их руки.

Мшщуй напомнил об этом, а Лясота одобрил план действий. По всей вероятности, черни не

отказалась от мысли овладеть Ольшовым и потому оставила там хоть небольшой отряд.

И на этот раз Собек с готовностью вызвался пойти на разведки. Этого человека, — узнав его хорошенько — невозможно было не полюбить; он никогда не обнаруживал утомления, вечно готов был служить свои панам, ел мало и спал немного, спрошенный о совете, давал его охотно, но, если его не спрашивали, мог молчать хоть полдня и никому не надоедал. Еще до наступления вечера путники, ради безопасности, углубились в лес, и Мшщуй тут же уступил Собеку свою роль провожатого.

Весь следующий день можно было употребить, не спеша, на переезд в Ольшовский замок. И женщины повеселели, ободренные надеждой очутиться вскоре среди своих и не ночевать под открытым небом в лесной чаще, где всегда можно было ожидать нападения Маславовых отрядов и пленения.

Глава 3

До рассвета, в пасмурную погоду, пустились в путь. Еще ночью зачастил спокойный, осенний дождь, похожий на густую мглу. По уверению Собека, такие дожди предвещали долгое ненастье. Лесные тропинки размокли и стали скользкими,

промокли вскоре и путники, а женщины, хоть и кутались, во что только могли, чтобы защититься от холода и сырости, — продрогли и тоже вымокли.

Спыткова утешала себя разговором с провожатыми, но как только разговор смолкал, тяжелые мысли одолевали ею, и она с трудом удерживалась от слез.

Мшщуй и вчера, и сегодня старался не отлучаться от девушки, ведя под уздцы ее коня и отстраняя ветви, чтобы они не ударили ее. Но Кася избегала даже глядеть на него, а дождь позволял ей так кутаться, что даже глаз ее не было видно.

Старшая пани охотно разговаривала с шедшим около нее Вшебором, изливая на него свои бесконечные жалобы.

А так как тот, кто хочет приобрести расположение дочери, должен понравиться и матери, то Вшебор не тратил времени даром, и то, что терял у дочери, старался выиграть у матери. И в душе своей посмеивался над Мшщуем. Мшщуй и без того был сильно не в духе; уже несколько раз на свои вопросы Касе он не дождался от нее ответа.

Девушка была скромна, боязлива и поразительно молчалива, как будто не сознавала своей молодости. Может быть, впрочем, так повлияли на нее душевная боль и испуг. Долива не мог допытаться от нее ни слова, — если же она шептала что-то в ответ, то так быстро и тихо, что

ничего нельзя было разобрать.

За то мать говорила за двоих. Вшебор мог узнать от нее не только все, что было ему нужно, но и ненужное. Марта Спыткова рассказала ему про свою молодость, проведенную на Руси, про первое сватовство, свадьбу, отъезд в Польшу, — про жизнь свою с мужем и все свои и его приключения до самых последних событий, — и не раз, а несколько раз, все с новыми добавлениями, рассказала она ему всю историю своей жизни. При этом она то плакала, то смеялась, вспоминая что-нибудь веселое и забывая о печальном, потом опять плакала, и опять смеялась, поблескивая черными глазами, как будто еще чувствуя себя молодой.

Рассказывала о себе, о муже, о всех своих поклонниках, которые готовы были влюбиться в нее, если бы только она позволила, и обо всем, что только приходило ей на память. Эти разговоры, видимо, были ей необходимы, потому что, если не было при ней Доливы, она подзывала Собека, обращалась к дочери и только на короткое время умолкала.

Этим способом она, вероятно, боролась со своим горем, потому что, как только она переставала говорить, слезы текли из ее глаз. Вшебор не давал ей длинных реплик, достаточно было одного слова, чтобы нескончаемая повесть потянулась снова.

За один день он так подружился с матерью Каси, как будто бы они уже давно были знакомы.

А так как в то время люди были искреннее, чем теперь, то он мог смело навести разговор на дочку и, осыпав ее похвалами, дал матери понять, что она ему очень приглянулась.

— Ну, да ведь она еще ребенок, совсем еще незрелая и слабая, — недовольно возразила Спыткова, — ее еще рано отдавать мужчине. Ей бы еще забавляться с голубями, да песенки петь. Хозяину мало было бы от нее толку, какая она хозяйка! Да где там! Ей еще далеко до этого.

И она покачивала головой.

Вшебор не настаивал, может быть, даже радуясь в душе, что Спыткова не имела намерения поскорее сбыть дочку.

Положение Мшщуя было гораздо хуже — он прямо мучился.

Кася ему не отвечала, поэтому он сам, чтобы позабавить ее, рассказывал ей все, что приходило в голову. Иногда она приоткрывала лицо, чтобы взглянуть на мать или поправить платок, и тогда Мшщуей видел голубой глазок, часть белой шейки или румяные щечки, из-за платка выбивались колечки золотых волос, — но она крепче куталась в платок, а перед Мшщуем снова были только складки покрывала, по которому стекал дождь. И так печален был этот взгляд молоденькой,

балованной девушки, столько было в нем еще неулегшегося страха и страдания!

Старый Лясота по-прежнему молчал всю дорогу. Дембец с Собеком, быстро подружившиеся между собой, шли впереди и тихонько разговаривали. Они сошлись так легко и так хорошо понимали друг друга, как будто долго ели похлебку из одной миски. Смелая вылазка Собека внушила Дембецу такое почтение к товарищу, что он стал относиться к нему, как к отцу или начальнику, и исполнял все его приказания. Собек зорко следил за тем, чтобы в пути не натолкнуться на людей и не встретиться с бродягами, поэтому он избегал лесных дорог, а шел прямо по лесу.

Все удивлялись его зоркости, тонкости слуха и остроты обоняния, позволявшим ему различать малейший свет, стук или запах. Если в воздухе чувствовался запах гари, то он уже наверное знал, где горит, — и далеко ли или близко, и что именно — дерево, мокрые листья или прогнившее дупло. Втягивая носом воздух, он узнавал, близко ли вода, нет ли где поля, и издалека, по одному виду, мог отличить лес от бора. Он первый замечал, если что-нибудь мелькало в чаще, и безошибочно узнавал, зверь это или птица, самый незначительный шум, незаметный для других, тотчас же улавливало его чуткое ухо. Иногда в кустах раздавался шелест или хлопанье птичьих

крыльев, а он, не поднимая даже головы, определял, что перебежало через дорогу, и что взлетело вверх. След на земле был для него, как бы открытой книгой, в которой он спокойно читал. Он замечал все: и сломанную ветку, и брошенную подстилку, и луг, объединенный скотом, и замутившуюся воду.

Благодаря этому, у них всегда была пища: он указывал Доливам, где искать зверя, и какого именно, — а в речке сам, без всякого сачка, руками ловил рыбу. При всем своем спокойствии он никогда не оставался без дела: собирал по дороге грибы и ягоды, прислушивался, приглядывался и все это делалось с таким видом, как будто это не стоило ему ни малейшего усилия.

А Доливы, положившись на его опытность, уже не вмешивались и не дали советов, а следовали его указаниям, потому что он никогда не ошибался.

Так он подвигались понемногу в глубь леса, но несмотря на все предосторожности, все же несколько раз в продолжение дня испытали тревогу. Посреди леса Собек почуял запах гари, но уверял, что костер, наверное, давно уже потух, и остался только дым, курившийся над отсыревшими головнями. Присматриваясь внимательнее, он заметил кучу наломанного и сложенного вместе хворосту, очевидно приготовленного человеческой рукой для постройки шалаша. Осторожно

приблизившись, они нашли спящего человека, который, внезапно пробудившись, сделал движение, чтобы вырваться и убежать. Но Дембец и Собек бросились на него и повалили его на землю, боясь, как бы он не донес о них врагам.

Собек едва не разможил ему голову топором, но вовремя сообразил, что это просто беглец, скрывающийся в лесу, а вовсе не член разбойничьей шайки, грабящей города и села. На него было просто страшно смотреть, хотя он был молод и силен, — так он страшно исхудал без пищи, питаясь только водой, листьями и кореньями. Голодная лихорадка сделала его полубезумным и отняла силы. Глаза его сверкали таким страшным пламенем, как будто у него все горело внутри.

Когда путники, оправившись от испуга, поняли, с кем имеют дело, они почувствовали жалость к несчастному. Его подняли с земли, а когда подъехали остальные, Спыткова дала ему кусок черствого хлеба, на который он набросился, не помня себя, и ел его, не видя и не слыша того, что происходило вокруг.

В первую минуту от него ничего нельзя было добиться. Он жадно ел и понемногу успокаивался после испуга внезапного пробуждения от горячечного сна.

Лясота, всегда с особенной жалостью относившийся к таким же несчастным, как он сам,

пристально всматривался в худое, почерневшее лицо беглеца. В изменившихся чертах его он уловил что-то знакомое, как будто где-то им виденное.

Беглец тоже взглянул на него, и из его уст вырвалось первое слово:

— Лясота!

— Боже милосердный! Да ведь это Богдан Топорчик! — крикнул старик, всплеснув руками. — Что же ты делаешь здесь, в лесу? Ведь ты же был вместе с Казимиром, и мы думали, что ты ушел с ним за границу к немцам, потому что ты был всегда при нем. Королевич любил тебя и не должен был тебя оставлять.

Только теперь развязался язык у Топорчика.

— Он и не оставил меня, — сказал он, — это добрый и богобоязненный государь, только люди нехорошо и нечестно поступили с ним! Я случайно отстал от его двора, раньше чем он уехал к матери. Потом уже не к кому было ехать, и невозможно было догнать его. Разразилась буря, и вот что случилось со мной.

Невольный стон вырвался из груди Богдана при этих словах. Все, стоя подле него, смотрели на него, с глубоким сочувствием. И вот маленький караван увеличился еще одним бедняком, а пока его накормили и сговорились между собой, как быть дальше, настал вечер.

Ольшовское городище было уже недалеко; надо было решить теперь же, ехать ли дальше, или переждать до следующего вечера и, с наступлением мрака, подойти к замку.

Спыткова, — беспокойная и усталая, — настаивала на том, чтобы ехать сейчас же, другие колебались. Бросить Богдася Топорчика на произвол судьбы было немыслимо, и всем невольно пришла в голову одна и та же мысль, — что чем больше народа явится в замок, тем неохотнее их примут. Теперь их было уже восемь, а в голодное время прокормить в осажденном замке столько людей — было не легкой задачей.

Белины были известны своим христианским милосердием, но и они должны были прежде всего позаботиться о безопасности и прокормлении собственной семьи.

Никто, однако, не заговаривал об этом первый — всем было неловко. Когда спросили Собека, он посоветовал ехать и не медля, пользуясь наступившей темнотой. Богдась, подкрепленный пищей и немного оживившийся, предлагал идти с ними, пока хватит силы. Спыткова достала из корзины несколько капель какого-то напитка и велела дать ослабевшему Топорчику, который почувствовал себя несколько свежее.

Перед вечером дождь затих, и не смотря на мрак, все двинулись в путь. По расчету Собека, а он

никогда не ошибался, они должны были еще до рассвета подойти к долине, среди которой находилось Ольшовское городище Белинов.

Впереди шел Собек с Дембцем, за ними ехал Лясота и обе женщины, возле которых шли братья Доливы; Богдана Топорчика Мшщуй вел под руку, потому что он был еще слаб.

Лясота, отвечая на вопросы Спытковой, рассказал ей о Топорчике следующее: он вырос при дворе королевича Казимира в качестве товарища его игр, так как происходил из старого и знатного рода. Ему предсказывали блестящее будущее, учили его бенедиктинские монахи и поражались его способностям, что, однако, не помешало ему, отдаваясь науке, сохранить в себе рыцарский дух.

Во время пути Лясота подозвал его к себе, желая узнать от него, как он попал в беду, из которой спасся только чудом. Но Топорчику, видимо, не хотелось рассказывать об этом, и он всю вину свалил на собственную неосторожность, и об одном только можно было догадаться, — что его послали с целью подготовить помощь для королевича, которому угрожало такое изгнание, какому уже подверглась незадолго перед тем его мать.

И вот, принеся себя в жертву, преследуемый врагами, отрезанный от Казимира, он оказался вынужденным блуждать по лесу в то время, как вся

страна была объята грабежами и пожарами, а ему оставалось только спасать свою жизнь...

При имени Маслава, Богдан затрясся всем телом, зарычал, сжал кулаки, как будто готовясь к борьбе, и громко воскликнул, что он предпочел бы погибнуть с голоду или от руки черни, чем рассчитывать на милость Маслава. — Я не мог вымолвить даже имени этого собачьего сына, так оно меня давит! — говорил он. — Он всему виною, он — изменник. Пусть вся наша кровь падет на его голову! Не может быть, чтобы Бог не покарал его! Сначала преследовали и выгнали королеву, которая презирала его, как он того и заслуживал, а потом задумал умертвить королевича и забрать власть в свои руки. Негодяй знал отлично, что когда польская кровь и страна превратятся в пустыню, то люди будут звать на помощь хоть разбойника! Но лучше уж погибнуть, чем искать у него милостей!

И по обычаю того времени, Топорчик принялся осыпать ругательствами и проклятиями Маслава, которого никто и не думал защищать.

— Он хуже пса, — это правда, — прервал его Лясота, — но если у него будет сила, то те, кому мила жизнь, придут с поклоном к нему!

— Нет, не дождется этого разбойник, не дождется, пока нас осталась хоть небольшая горсточка! — заговорил Богдан. — Разве мы не можем призвать снова внука Болеслава? Он теперь

ушел от нас, но если мы его попросим, — он вернется и будет править нами, — не как отец, а как дед, потому что он рыцарь по духу, муж богобоязненный и разумный. Неужели же нас уже истребили, как пчел, всех до единого? Если сохранится хоть горсточка, император поможет ему для того, чтобы не позволить чехам чрезмерно увеличиться присоединением нашей земли. Надо идти к нему, просить и умолять!

— Да ведь он сын Рыксы! — тихо проговорил один из Долив.

— Я это знаю, — горячо прервал Топорчик, — я знаю, что у нас никто не любил королевы-матери и ей приписывали все дурное. Но я ведь там жил, я все видел. Все это иначе было! Королева — набожная и разумная, — ее не любили за то, что она была сурова к людям, но она была милостива и справедлива. Говорили про не, что она не любила наших, а окружала себя немцами, все это правда, но ведь и наши к ней не шли с доверием, а старые языческие обычаи отталкивали ее и возмущали. Она боялась наших и предпочитала проводить время с набожными и мудрыми людьми и беседовать о святых делах. У них она спрашивала совета, потому что больше не у кого было спросить. А наши косились на нее за это.

— Ах, Боже мой! — отдохнув немного, продолжал Топорчик. — Трудно понять, как все это